

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008.009

А. С. Сатомский

Антропологический дискурс в «Апокалипсисе Баруха»

В статье раскрывается антропологический дискурс в рамках развитой системы эсхатологических представлений сирийского памятника «Апокалипсис Баруха». Через ряд значимых для иудейской религиозной традиции апокалиптических образов автор раскрывает в том числе и свои представления о человеке, его месте в мире и отношениях с Богом.

Ряд идей, например, понятие первородного греха, получают в памятнике новое осмысление. Более того, столь однозначные для Ветхого Завета категории, как благо долгой жизни, страх смерти и отсутствие блага посмертия, переосмысливаются в данном источнике абсолютно, что роднит его с новозаветными текстами. В статье отмечается факт системного развития восприятия антропологически значимых сюжетов Ветхого Завета внутри иудео-христианской традиции.

Ключевые слова: антропология, апокалипсис, апокриф, Бог, время, дискурс, Израиль, праведность, Премудрость, смерть, человек, эсхатология.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

A. S. Satomsky

The anthropological discourse of the «Apocalypse of Baruch»

The article deals with the disclosure of the anthropological discourse in the framework of a developed system of eschatological representations of Syrian text «Apocalypse of Baruch». The author reveals his own ideas about man, his place in the world and in a relationship with God through a series of apocalyptic images important for the Jewish religious tradition.

A number of ideas, such as the concept of original sin, get a new understanding. Moreover, such ambiguous for the Old Testament categories as good long life, fear of death and the lack of good afterlife are reinterpreted in the text in full, making it close to New Testament texts. The article notes the system of perception of anthropologically important stories of the Old Testament inside the Judeo – Christian tradition.

Keywords: anthropology, apocalypse, apocrypha, God, time, discourse, Israel, righteousness, wisdom, death, man, eschatology.

Период Второго храма (516 до н. э. – 70 н. э.) породил огромный пласт литературы, по-разному оценивающийся в религиозных группах, претендующих на наследие Ветхого Завета. Для современного иудаизма большая часть данных книг именуется «внешними», то есть не имеющими отношения к собственно библейской литературе. Этим же путем пошли и протестантские христианские деноминации, включающие данные тексты в разряд апокрифов. В православии и католицизме ряд из них (одиннадцать так называемых «неканонических» или «второканонических» книг) входит в Библию. Но данный корпус важен и тем, что породил системное продолжение в множестве подражаний, одним из самых востребованных жанров здесь стали многочисленные откровения – «апокалипсисы».

Апокалиптическое богословие, активно развившееся в эпоху межзаветного иудаизма, нашло

почву для ряда своих идей в христианской общине, ожидавшей парусии. В то же время данное богословское течение этапно заглохло в собственно иудейской среде ввиду однозначной победы раввинистического богословия. По мнению Ю. Аржанова [7, с. 11], отказ от этих текстов в иудейской среде может быть отчасти объяснен их активным котированием в среде христиан.

В христианской среде некоторое время появляются псевдоэпиграфы, атрибутируемые известным личностям Ветхого Завета, например – «Оды Соломона». Однако если «Оды» наполнены типично христианским содержанием, то в Бар. все не столь однозначно. Причина тому в том числе и место происхождения – Сирия. Сирийская христианская среда сохранила, а предположительно и была средой авторства ряда апокалиптических сочинений, кроме Баруха (напр. 4 Ездры), остав-

шихся за рамками раввинистического иудаизма [7, с. 10].

Появление в иудео-христианской среде данного памятника обусловлено, по видимости, разрушением Иерусалимского храма. Барух привлекается здесь как автор ввиду исторической параллели – разрушения храма 586 г. до Р. Х., которому он был современником. Ссылки на текст присутствуют в Послании Варнавы и текстах свт. Киприана Карфагенского [7, с. 54], что при отсутствии цитации в иудейской среде склоняет исследователей к христианскому происхождению памятника.

Для апокалиптики в целом и для «Апокалипсиса Баруха» в частности характерна высокая степень диалогичности. Автор спрашивает, а Бог отвечает или демонстрирует, открывает (отсюда славянское название жанра – «откровение»). При этом апокалипсисы, в отличие от пророческих текстов, никогда не обращены на временную перспективу. Апокалипсисы являют видение абсолютного, благого мира, но почти всегда описываемые ими предшествующие события истории живописуются как «родовые муки», «истление» – разрушение существующего (Откр. 21:1).

В первых главах, когда войска халдеев окружили город, Барух видит, как ангелы выносят и сохраняют в земле все святыни и реликвии, которые она будет хранить до последних времен, когда город и храм вновь отстроятся [7, с. 81]. Окончание видения (2Бар 8:2) согласуется с последними главами Евангелия (Лк. 23:44–45), говорящими о разорвавшейся завесе Храма – «се оставляется дом ваш пуст» (Мф. 23:34–39) – «отошел тот, кто охранял храм». В многодневном молитвенном плаче Барух получает видение, где как в притче изложено былое, сущее и грядущее народа Израиля. Главными действующими лицами в ней являются Лоза и Кедр.

Выбор их как антагонистов не случаен. Виноградная лоза – один из популярнейших образов Писания, в Танахе применяющийся к самому Израилю. В Псалтири, при поэтическом пересказе истории Израиля, именно через образ посадки саженца лозы автор описывает события Исхода: «Из Египта принес Ты виноградную лозу, выгнал народы и посадил ее» (Пс. 79:9–13). Подобная аллегория достаточно устойчива для Танаха, равно как и образ кедра, ассоциирующийся с мощью и гордой надменностью. Кедры насаждены Богом (Пс. 8:16), равно как и правители народов, в том числе и языческих, приведены к власти Им (Ис. 45:5–6). Однако чрезмерно вознесшимся и из руки Господней ставшим антагонистами Богу, «кедрам» уготована скорбная участь – «на все кедры ливанские, высокие и превозносящиеся...

грядет день Господа Саваофа» (Ис. 2:13, и далее Ис. 10:19, Суд. 9:15).

Именно эта драма и разыграна в видении Баруха. Борьба виноградника и кедра заканчивается полным поражением последнего. Это не единственное из апокалиптических видений, сопровождающее автора. Можно упомянуть видение облака, молнии и иные образы, растолковывает которые не кто-то из проводников в небесной реальности (как напр. в Книге Юбилеев), а Сам Господь.

Ввиду заявленной темы конца мира и определенной исторической привязки – разрушения Храма, автор использует широчайшие категории эпох и народов. Остается здесь, однако, и место для конкретного человека. Богословие личности, предлагаемое в самых общих чертах Барухом, основывается на неизменном библейском учении об Адаме. При этом следует заметить, что в традиционных ветхозаветных текстах теме грехопадения не отводится столь существенного места, как, например, в текстах новозаветного корпуса.

Здесь мы видим фигуру Адама в традиционных красках христианского богословия, решенную в типичных Павловых категориях. Как апостол утверждает, что «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим. 5:12), так и в «Апокалипсисе Баруха» слышна аналогичная тема: «О, что сделал ты, Адам, для всех тех, кто был рожден от тебя!» (XLVIII, 42), «Адам согрешил первым и привел смерть на всех, кто был не в его время» (LIV, 15).

Но здесь прослеживается несколько иная тема. Автор не говорит о склонности человеческой природы к греху, а постулирует далее абсолютное преобладание личной ответственности каждого из рожденных перед Богом: «...однако из тех, кто был рожден от него, каждый человек сам приготовил себя к предстоящим мукам, а также каждый человек из них сам избрал предстоящую славу» (LIV, 15). Более того, человеческая свобода столь сильна, что даже не Закон, а само творение, его искусность и закономерность могут уверить человека в истинности бытия Вседержителя и способствовать его вступлению на праведный путь. Вывод «Апокалипсиса Баруха» звучит крайне нетипично для околобиблейского корпуса: «Адам не стал причиной, кроме как для себя самого, но каждый из нас – Адам для самого себя» (LIV, 19).

При этом тема Закона и праведности в нем все же не оказывается забытой. Текст «Апокалипсиса

Баруха» написан для евреев, независимо от их религиозной принадлежности – христианской или иудейской. Поэтому в нем не забыт главный законодатель Израиля – Моисей. Полученный им Закон – путь жизни в мире, подверженном смерти через Адама. При этом если каждый из живущих – Адам для себя самого, то фигура Моисея – уникальна, никаких следов принципа *imitatio* в тексте нет. Моисей – единственный законодатель, через следование Закону человек приближается к Богу, но не сможет стать «новым Моисеем».

В этом – одно из существенных отличий текста от христианского богословия, которое с самых ранних этапов говорит о «следовании за Христом» – *imitatio Christi*, а в своей развитой форме – о необходимости достижения теозиса/обожения, становлении человечества богами по благодати.

В чем заключается, с точки зрения автора, различие между следующими путем Адама и путем Моисея, между праведниками и нечестивцами? Здесь его позиция кардинально отлична от ветхозаветных текстов, полагающих его преимущественно в этой жизни. С точки зрения Танаха, всякий в посмертии наследует Шеол (Быт. 37:35), отличие участи праведника – в благоволении Бога к нему в жизни и благословении его потомков. Барух же говорит об абсолютном отличии посмертной участи следовавших путем Закона: «Праведные с радостью ожидают конца и без страха покидают эту жизнь, ибо у них есть пред Тобой богатство [благих] дел, которое хранится в сокровищницах» (XIV, 12).

Единственной книгой Ветхого Завета (в каноне Септуагинты), разделяющей подобный богословский оптимизм, является Премудрость Соломона, говорящая: «А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их» (Прем 3, 1), «Во время воздаяния им они воссияют, как искры, бегущие по стеблю. Будут судить племена и владычествовать над народами, а над ними будет Господь царствовать во веки» (Прем 3, 7–8). Также очень интересна здесь концепция добрых дел как «дивидендов в вечность», впоследствии прочно укоренившаяся в народном восприятии христианства.

Вторая значимая параллель с Премудростью – спокойное и даже радостное восприятие смерти, совершенно не встречающееся в традиционном учении Танаха, характеризуемое мыслью Экклезиаста: «...псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Эккл. 9:4). В Апокалипсисе Баруха автор замечает, что праведники «без страха оставляют этот мир, поскольку в радостной уверенности ожидают того, что получают мир, который Ты обещал им» (XIV, 13).

Радость праведников не только в отсутствии мучений в посмертии, но в наследии нового мира, который откроется в конце времен. Таким образом, оба автора достаточно ясно излагают не только идею посмертного суда и воздаяния, но и однозначно озвучивают идею воскресения мертвых в измененном мире, откуда навсегда уйдут все аффекты грехопадения Адама – страдание, болезнь и смерть.

Значимой деталью в учении «Апокалипсиса Баруха» о человеке являются слова Вседержителя о годах жизни, также перекликающиеся с Книгой Премудрости. Представление о том, что долгая жизнь – награда от Бога типично не только для библейских, но шире – ближневосточных текстов. Здесь звучат голоса египтянина Яхмоса: «Я состарился, я достиг старости» [4, с. 174] и божеств вавилонской поэмы «О невинном страдальце», возвращающих человеку здоровье и желанное долголетие. Сам Ветхий Завет традиционен и однозначен в вопросах долголетия – это награда праведному. Пример подобного – смерть Авраама: «скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный [жизнью], и приложился к народу своему» (Быт. 25:8). Та же идея постулируется и в учительной литературе – следование заповедям дарит долготу дней (Притч. 3, 1–2). Скептиками в данной ситуации выступают Иов и Экклезиаст. «Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?» (Иов. 21:7), «Если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях темных, которых будет много: все, что будет – суета!» (Еккл. 11:8) – позиции, противоречащие традиционному благочестивому миропониманию или прямо отрицающие его.

Голос Бога в «Апокалипсисе Баруха» говорит: «Для высшего не принимаются в расчет ни долгое время, ни краткие годы. Ибо какая польза была для Адама в том, что он жил девятьсот тридцать лет, но нарушил то, что ему было заповедано? Тогда ему не помогло долгое время жизни... Или какой вред был Моисею в том, что он жил только сто двадцать лет...» (XVII, 2–4). Автор, перемещаясь на точку зрения Творца времени, озвучивает идею о его абсолютной условности. С этой позиции человеческие представления о долголетьи как о благе, связанном с накоплением мудрости и опыта, – неверны. Важна не житейская мудрость, а благочестие. На его качестве никак не скажется его «невыстраданность» – отсутствие большого предшествующего опыта, в рамках которого оно сформировалось. Источник благочестия – Откровение. Именно оно, а не наблюдение

за реальностью – наиболее быстрый и однозначный способ вхождения в жизнь с Богом.

Такой же точки зрения придерживается и Премудрость. «...Не в долговечности честная старость и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь – возраст старости» (Прем. 4:8–9) – аналогичная позиция, высказанная более чем за 200 лет до появления «Апокалипсиса Баруха». Указания на преобладающее значение беспорочной жизни, а также, что важно, на ее небезусловную связь с долголетием – определенный итог развития представлений о человеке для ветхозаветного корпуса.

Необходимо, однако, отметить, что автор Апокалипсиса не чужд и традиционного ветхозаветного коллективизма в достаточно жестких формах превозношения роли Израиля в мировой истории. Так, он отмечает, говоря о разрушении Иерусалима и Храма: «...ныне я вижу, как мир, который был создан ради нас, сохраняется, мы же, ради которого он существует, уходим» (XIV, 19).

В устах автора Апокалипсиса трагедия приобретает подобный масштаб – как иудей он связывает историю своей страны с историей бытия мира как проявление одной из частей замысла Бога о Вселенной. С его точки зрения, если обещанное восстановление Израиля не случилось и храм вновь разрушен, то все эти события отодвигаются на прямую эсхатологическую перспективу, в которой Мессия явит себя сразу как судья нынешнего века и все же вернет благополучие Израилю, но уже в категориях «века грядущего».

Здесь видна типичная реакция представителя ветхозаветной культуры на произошедший исторический коллапс. Необходимо заметить, что в непосредственно христианских источниках она будет иной – приход Мессии открывает новую страницу истории человечества, в которой оно должно успеть восстановить свои отношения с Богом до начала Суда над миром и изменения Вселенной. Однако и у христианских авторов это понимание возникнет не одномоментно – еще первые главы книги Деяний ясно указывают, что раннехристианская община находилась в ожидании скорейшего пришествия Христова. Лишь позже сформировалось понимание отсроченной парусии, которое было принято Церковью.

Таким образом, можно заключить, что основные антропологические послы сердцевины корпуса Танаха – книги Бытия, продолжают свое существование, хотя и подвергаются определенному переосмыслению в ходе истории. Нужно отметить, что это далеко не единственный вариант развития данного идейного корпуса: развитый

равнинистический иудаизм и околочристианские гностические секты предложат свое видение роли Адама в мироздании, практически полностью выходящее за рамки богословских посылов Бытия.

Библиографический список

1. Библия [Текст]. – М.: Российское Библейское общество, 2002. – 1326 с.
2. Бубер, М. Два образа веры [Текст] / М. Бубер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 592 с.
3. Введение в Ветхий Завет [Текст] / под ред. Э. Ценгера. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. – 802 с.
4. Вейнберг, И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока [Текст] / И. П. Вейнберг. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 208 с.
5. Григорий Богослов свт., Архиепископ Константинопольский. Творения. Т. 1: Слова [Текст] / свт. Григорий Богослов. – М.: Сибирская благовонница, 2007. – 896 с.
6. Основы религиоведения [Текст]: учебник / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков и др.; под ред. И. Н. Яблокова – М.: Высшая школа, 1994. – 368 с.
7. Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы. Апокрифические псалмы Давида. Апокалипсис Баруха. Сентенции Менандра [Текст] / перевод с сирийского, вводные статьи и комментарии Ю. Н. Аржанова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 240 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Biblija [Tekst]. – M.: Rossijskoe Biblejskoe obshhestvo, 2002. – 1326 s.
2. Buber, M. Dva obraza very [Tekst] / M. Buber. – M.: ООО «Firma «Izdatel'stvo AST», 1999. – 592 s.
3. Vvedenie v Vethij Zavet [Tekst] / pod red. Je. Cengera. – M.: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreja, 2008. – 802 s.
4. Vejnberg, I. P. Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka [Tekst] / I. P. Vejnberg. – M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1986. – 208 s.
5. Grigorij Bogoslov svt., Arhiepisop Konstantinopol'skij. Tvorenija. T. 1: Slova [Tekst] / svt. Grigorij Bogoslov. – M.: Sibirskaja blagovonnica, 2007. – 896 s.
6. Osnovy religiovedenija [Tekst]: uchebnik / Ju. F. Borunkov, I. N. Jablokov, M. P. Novikov i dr.; pod red. I. N. Jabloкова – M.: Vysshaja shkola, 1994. – 368 s.
7. Sirijskie vethozavetnye psevdziejepigrafy. Apokrificheskie psalmy Davida. Apokalipsis Baruha. Sentencii Menandra [Tekst] / perevod s sirijskogo, vvodnye stat'i i kommentarii Ju. N. Arzhanova. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 2011. – 240 s.